

18+

ZATVORNIK YUDIN

Тихая вода

Zatvornik Yudin

Тихая вода

<https://litres.ru/74275409>

ISBN 9785007064224

Аннотация

В глухой деревне Камыши пропадает смертельно больной старик. Следователь Артём Сомов, прибывший из города, сталкивается с пугающим молчанием местных жителей и их верой в древний обычай: «Тихая вода» — глубокое озеро, которое веками «принимает» уставших от боли.

Несмотря на заверения, что это был добровольный уход, Артём находит улики, указывающие на насильственную смерть. Погружаясь в расследование, он понимает, что под покровом вековых суеверий скрывается хладнокровный убийца

Содержание

Тихая вода	5
Глава 1. Вязкая тишина	6
Глава 2. Тёплый чайник	11
Глава 3. Древний обычай	15
Глава 4. Что скрывает ил	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Тихая вода

Zatvornik Yudin

© Zatvornik Yudin, 2026

ISBN 978-5-0070-6422-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тихая вода

Глава 1. Вязкая тишина

Солнце стояло в зените, но его свет казался блеклым и бессильным, словно пропущенным через грязное, мутное стекло. Артём Сомов, следователь по особо важным делам из областного центра, остановил служебную «Ладу» на краю деревни Камыши. Двигатель, натужно гудевший последние полтора часа по раздолбанной грунтовке, наконец заглох. И в ту же секунду на мир обрушилась тишина.

Это была не та умиротворяющая тишина, которую ищешь за городом, чтобы отдохнуть от городского шума. Это была вязкая, плотная, почти осязаемая тишина, которая, казалось, физически давила на барабанные перепонки. Она заполняла всё пространство: салон машины, лёгкие, мысли. Единственным звуком, нарушавшим это мертвое безмолвие, был монотонный, сводящий с ума шелест камыша на ветру — сухой, царапающий звук, похожий на шуршание старой бумаги или шепот множества голосов за спиной.

Артём с трудом размял затекшую спину и выбрался из машины. Воздух снаружи был густым и влажным. Он пах тиной, гниющим деревом, сырой землей и вековой пылью, которая веками оседала в этой низине. Следователь сделал несколько шагов по направлению к деревне. Под подошвами

его городских ботинок захрустел гравий.

Перед ним простиралась улица — неширокая, с глубокими колеями от тракторных колес, заполненными мутной водой. По обеим сторонам тянулись покосившиеся заборы из подгнившего штакетника и ржавой сетки-рабицы. За заборами виднелись дома — старые, вросшие в землю пятистенки с просевшими крышами и пустыми глазницами окон. Многие из них были заколочены досками крест-накрест, словно гробы. Деревня казалась вымершей, покинутой людьми много лет назад.

Но Артём знал, что это не так. Он чувствовал их взгляды. Липкие, настороженные, тяжелые взгляды из-за пыльных занавесок и темных оконных проемов. Он был чужаком. В этом забытом богом месте он был инородным телом, вирусом, занесенным извне в их замкнутую экосистему. И эта система уже начала вырабатывать антитела.

Он поправил ремень сумки с документами и направился к единственному зданию, которое могло сойти за центр цивилизации — одноэтажному строению с выцветшей синей вывеской «Отделение полиции». Дверь была не заперта. Внутри царил полумрак и кислый запах застарелого табачного дыма и дешевого пойла.

За единственным столом дремал толстый дежурный в расстегнутой форменной рубашке с сержантскими лычками. Его форменная фуражка была сдвинута на затылок, обнажая на лбу красную полосу от пота. На столе перед ним стояла пустая кружка с засохшими разводами чая и лежал надкусанный огрызок яблока.

— Добрый день, — громко сказал Артём.

Дежурный вздрогнул всем телом, открыл один мутный глаз и уставился на вошедшего без малейшего удивления.

— А... это ты... городской... — протянул он сиплым голосом и громко икнул. Запах перегара стал невыносимым.

— Я следователь Сомов из областного центра. Прибыл по факту исчезновения гражданина Егора Петровича... — Артём сделал паузу, сверяясь с ориентировкой в планшете.

— А-а-а... дед-то? — дежурный лениво махнул пухлой рукой в сторону двери. — Так нет никакого дела. И заявления нету.

— Как это нет? В ориентировке указано...

— Да плевал я на твою ориентировку! — неожиданно резко и зло отрезал дежурный, но тут же снова обмяк. — Дед

Егор сам ушел. Старый он был, болел сильно... Рак его ел. Мучился. Решил не обременять.

— Что значит «не обременять»? — Артём почувствовал, как внутри закипает глухое раздражение.

— А то и значит! — дежурный снова икнул и почесал объемный живот. — Это у нас тут обычай такой. Чтоб в тягость не быть родным-то. Уйти по-тихому. В лес или... в озеро наше. Оно примет. У нас тут все свои всё понимают.

Артём молча смотрел на этого человека. Он видел перед собой не просто пьяного полицейского, а идеальный продукт этой среды. Человека, который настолько пропитался местными законами и суевериями, что перестал отличать их от Уголовного кодекса. Для него сокрытие убийства было не преступлением, а проявлением милосердия к общине.

— Я всё же осмотрю место жительства пропавшего и проведу опросы, — сухо сказал Артём после долгой паузы.

Дежурный лишь равнодушно пожал плечами и снова прикрыл глаза:

— Дело твое... Начальник.

Артём развернулся и вышел на улицу. Вязкая тишина сно-

ва обволокла его со всех сторон. Он не верил в древние обычаи. Он не верил в милосердие озера. Он верил в улики: в следы на земле, в показания свидетелей и в логику преступления. И сейчас его профессиональный нюх подсказывал: здесь произошло убийство, которое вся деревня решила выдать за добровольный уход старика. Дело обещало быть гораздо более сложным и грязным, чем казалось из областного центра.

Он поправил сумку на плече и решительно зашагал по пыльной улице к дому деда Егора — последнему свидетелю того, что здесь произошло на самом деле. Шелест камыша за спиной стал казаться ему зловещим смехом невидимых наблюдателей.

Глава 2. Тёплый чайник

Дом деда Егора стоял в самом конце улицы, как бы отгородившись от остальной деревни. К нему вела узкая, почти заросшая подорожником тропинка. Артём шел, и с каждым шагом ощущение заброшенности только усиливалось. Казалось, сама природа — разросшийся чертополох, крапива в человеческий рост и покосившиеся, поросшие мхом столбы забора — пыталась скрыть это место от посторонних глаз.

Калитка была не заперта. Она висела на одной петле, слегка покосившись, и приоткрылась с протяжным, жалобным скрипом, от которого у Артёма по спине пробежал холодок. Этот звук в абсолютной тишине прозвучал как сигнал: «Входи, раз уж пришел».

Двор был запущен, но не выглядел местом, где царит хаос. Скорее, это был упорядоченный упадок. Грядки с клубникой заросли сорняками, но их границы все еще угадывались. У сарая стояла перевернутая вверх дном старая эмалированная ванна. Все было на своих местах, но время и запустение брали свое.

Дверь в дом была приоткрыта. Артём остановился на крыльце, прислушиваясь. Ни звука. Только шелест камыша

вдали и стук его собственного сердца. Он толкнул дверь. Она поддалась без единого скрипа, словно петли были недавно смазаны.

Внутри царил полумрак, но даже в слабом свете, пробивавшемся сквозь занавешенные окна, поражала идеальная чистота и порядок. Это было не просто прибранное жилье пожилого человека. Это был музей памяти, застывший во времени.

Прямо у входа, на старомодной деревянной вешалке, висел брезентовый дождевик. Под ним на резиновом коврик стояли сапоги. Артём присел на корточки. Сапоги были резиновые, болотные, с высокими голенищами. Они были мокрыми изнутри. Вода уже начала подсыхать, оставив темные разводы на резине и комочки грязи и ряски на подошвах. Кто-то вернулся с озера совсем недавно.

Он прошел дальше. В горнице царил тот же идеальный порядок. На круглом столе, покрытом чистой, но выцветшей скатертью, стояла одинокая чашка с недопитым чаем. Над ней все еще вился едва заметный парок. Рядом лежала раскрытая книга в твердом переплете — «Житие протопопы Аввакума». Артём коснулся чашки. Фарфор был еще теплым.

На плите в кухне стоял старый чайник со свистком. Он то-

же был теплым на ощупь. Создавалось полное впечатление, что хозяин дома вышел из него всего пару минут назад — может, в огород по нужде или к соседу за щепоткой соли — и вот-вот вернется.

В спальне кровать была застелена старым, но чистым шерстяным одеялом, а подушки взбиты так ровно, будто их готовили к смотру. На прикроватной тумбочке стоял пузырек с валидолом и стакан с водой.

Артём подошел к окну спальни и отодвинул край плотной занавески. Окно выходило прямо на озеро. Отсюда оно казалось огромным черным зеркалом, в котором отражалось хмурое небо. Ни единой лодки, ни единого рыбака. Только бескрайняя черная гладь и стена камыша.

Он вернулся в горницу и еще раз обвел ее взглядом. Идеальный порядок был здесь не признаком педантичности, а частью сценария. Кто-то очень хотел создать именно эту иллюзию: дед Егор ушел сам, по своей воле, оставив после себя чистоту и покой.

Но мокрые сапоги у порога и теплый чай на столе кричали об обратном.

Артём достал телефон и сделал несколько снимков: об-

ций вид комнаты, чашка с чаем, раскрытая книга, мокрые сапоги. Он не мог ничего трогать до приезда опергруппы, но ему нужно было зафиксировать эту картину.

Выходя из дома, он в последний раз оглянулся на этот островок порядка посреди всеобщего увядания. Он чувствовал себя осквернителем гробницы. Он пришел сюда не как спаситель или герой из городского детектива. Он пришел как человек, который должен разрушить хрупкий мир этой деревни ради одной-единственной правды.

Закрывая за собой дверь, он вдруг замер. Ему показалось, или он действительно услышал тихий всплеск со стороны озера? Он замер на крыльце, всматриваясь в черную воду. Поверхность озера была абсолютно неподвижна. Но Артём был уверен: что-то там, внизу, только что шевельнулось. И это «что-то» знало о его визите.

Глава 3. Древний обычай

Солнце начало клониться к закату, окрашивая небо над Камышами в тревожные багровые тона. Артём возвращался к центру деревни, и с каждым шагом ощущение гнетущей, враждебной атмосферы только усиливалось. Он чувствовал себя не следователем, а крысой в лабиринте, за каждым поворотом которой наблюдают невидимые глаза.

К вечеру деревня ожила, но не так, как оживает обычный поселок. Не было слышно детского смеха, не пахло жареной картошкой из окон. Люди выходили из своих домов медленно, словно нехотя, и стекались к единственному месту, где теплилась хоть какая-то жизнь — к маленькому магазинчику с выцветшей вывеской «Продукты». Это было приземистое здание с одним мутным окном и скрипучей дверью.

Артём остановился поодаль, прислонившись плечом к стволу старой березы. Он достал телефон, делая вид, что увлечен перепиской или картой, но на самом деле внимательно наблюдал. Мужчины подходили по одному или парами. Они не здоровались громко, не хлопали друг друга по плечам. Короткий кивок, хмурый взгляд в его сторону, и они заходили внутрь. Дверь за ними закрывалась с протяжным скрипом, который в наступающей тишине звучал как

выстрел.

Последним пришел он. Павел Иванович. Артём узнал его сразу, хотя никогда раньше не видел. Это был тот самый авторитет, о котором упоминал пьяный дежурный. Он двигался неспешно, но в его походке чувствовалась огромная, сжатая до предела сила. Огромный старик с седой гривой волос и руками, похожими на узловатые корни векового дуба. Он не подошел к магазину сразу. Сначала он остановился и медленно обвел взглядом всю улицу. Его глаза, выцветшие и холодные, как осеннее небо, на секунду задержались на Артёме. Это был не просто взгляд. Это была оценка. Взвешивание. Решение.

Артём выдержал этот взгляд, не шелохнувшись. Он понимал: сейчас решается, будет ли он просто досадной помехой или реальной угрозой.

Дядя Паша едва заметно кивнул своим мыслям и вошел в магазин. Дверь за ним закрылась, отрезая от Артёма последние звуки внешнего мира.

Следователь выждал минуту и решительно направился к магазину. Он не собирался прятаться. Если они хотят говорить — пусть говорят в открытую.

Внутри было душно и пахло сыростью, дешевым табаком и чем-то кислым. Помещение освещала одна-единственная тусклая лампочка под потолком. У прилавка стояло человек шесть-семь местных мужиков. Они молча курили и пили пиво из мутных стеклянных бутылок без этикеток. При появлении Артёма разговоры стихли окончательно.

Дядя Паша стоял в центре этой группы, словно патриарх перед своим племенем. Он медленно повернулся к вошедшему.

— Ну что, — прогудел его низкий голос, от которого, казалось, задрожали пыльные банки с консервами на полках. — Шуму наделали? Городской приехал.

Все взгляды устремились на Артёма. В них не было открытой агрессии — лишь холодное любопытство и глухая стена отчуждения.

— Я следователь Сомов из областного центра, — начал Артём официальным тоном, стараясь звучать твердо и уверенно. — Я здесь по факту исчезновения гражданина Егора Петровича...

— А-а-а... дед-то? — перебил его кто-то из мужиков у прилавка с пьяной ухмылкой. — Так нет никакого дела-то! Заявления нету!

— Заявление не требуется для начала доследственной проверки, — парировал Артём. — Есть признаки насильственной смерти...

Дядя Паша поднял огромную ладонь, и Артём осекся. В наступившей тишине голос старика прозвучал как приговор:

— Егор Петрович был человек старой закалки. Правильный был человек.

Он сделал паузу, обводя взглядом своих «подданных», ища поддержки. Мужики согласно закивали.

— Болел он сильно. Рак его ел. Мучился дюже. Мы с ним говорили... по-мужски... неделю назад. Он мне сказал: «Павел Иванович, мочи нет. Хочу уйти так, чтоб Марью мою (жена его покойная) не пугать видом моим изуродованным. И чтоб я вам всем обузой не стал».

Дядя Паша снова замолчал, глядя прямо в глаза Артёму. В его взгляде не было вызова — там была абсолютная уверенность в своей правоте.

— У нас тут озеро есть... Тихое оно. Глубокое очень. Топляка там под водой — тьма-тьмушая. Ил вязкий... как патока. Оно... принимает таких.

В этот момент из-за спин мужиков протиснулся Виктор. В отличие от остальных, одетых в старые свитера и поношен-

ные куртки, он был в дорогом спортивном костюме и начищенных до блеска кроссовках. Он выглядел здесь как инородное тело, как кусок пластика в живом дереве.

— И правильно! — громко заявил он, уперев руки в бока. — Дед Егор свое отжил с честью! А вы тут панику наводите! Из-за ваших сказок у меня инвесторы могут сорваться! Лесопилка — это будущее деревни! А вы все со своими суевериями! Закон ему подавай! Да плевал я на твой закон! Здесь мои законы работают!

Виктор подошел к Артёму вплотную. От него пахло дорогим одеколоном и самодовольством.

— Уезжай отсюда по-хорошему, следовательно. Пока колеса у твоей колываги не прокололи по-настоящему.

Артём не отступил ни на шаг.

— Это угроза должностному лицу при исполнении? Я могу расценить это как давление на следствие.

Виктор криво усмехнулся:

— Какое следствие? Нет тела — нет дела. А тело твое... если искать будем, то долго искать придется.

Дядя Паша снова поднял руку:

— Хватит! Виктор, иди домой! А ты... городской... держи себя в руках.

Он повернулся к Артёму всем своим массивным телом и сказал уже тише, но так, что каждое слово падало свинцовой гирей:

— Пойми ты... Егор Петрович ушел так, как хотел сам. Это древний обычай нашей общины. Мы уважаем волю умирающего. Так здесь было всегда. И так будет впредь.

Он обвел взглядом всех присутствующих:

— Верно я говорю?

Мужики снова закивали, кто-то пробурчал «Верно». Это был коллективный приговор. Община вынесла свое решение: дед Егор ушел сам. Тема закрыта.

Артём понял всё без лишних слов. Он столкнулся не просто с убийством и сокрытием улики. Он столкнулся с древней, пугающей логикой выживания замкнутой системы. Община принесла одного из своих в жертву ради собственного спокойствия и стабильности под властью таких людей, как Виктор. И дядя Паша был хранителем этого страшного равновесия.

Он молча развернулся и вышел из магазина в багровые сумерки. Дверь за ним закрылась с тем же протяжным скрипом, но теперь этот звук казался ему звуком тяжелой могиль-

ной плиты, опускающейся на правду о смерти деда Егора.

Глава 4. Что скрывает ил

На следующее утро Артём нашел её у школы. Это было единственное кирпичное здание в деревне, выглядевшее здесь чужеродно и неуместно, как новенький «Мерседес» на колхозном поле. Школа стояла на небольшом пригорке, откуда открывался вид на озеро, и Артём невольно отметил, что из её окон вода должна быть видна как на ладони.

Марина оказалась совсем не такой, как он ожидал. Он представлял себе забитую, запуганную сельскую учительницу, но перед ним стояла молодая женщина лет тридцати с упрямым взглядом и прямой спиной. В её глазах читалась не покорность судьбе, а глухая, застарелая усталость человека, который давно перестал бороться с ветряными мельницами, но так и не сдался.

— Вы зря теряете время, — сказала она без предисловий, вытирая испачканные мелом пальцы влажной салфеткой. Они стояли на школьном крыльце, и Артём видел, как она украдкой бросает взгляды на его руки — чистые, городские, без мозолей.

— Почему вы так думаете? — спросил он, закуривая. Спичка в его пальцах казалась неуместной деталью в этом

чистом, школьном воздухе.

— Потому что я знаю правду про озеро, — ответила она, глядя не на него, а на черную гладь воды вдалеке. — И эта правда вам не понравится.

Она не стала приглашать его внутрь. Вместо этого она молча пошла по узкой тропинке, ведущей от школы прямо к берегу через густые заросли крапивы и борщевика. Артём последовал за ней, чувствуя, как с каждым шагом влажный запах тины становится всё сильнее.

Они вышли на небольшой песчаный пятачок у самой кромки воды. Озеро оправдывало своё название: его поверхность была абсолютно неподвижна, словно гигантский лист черного полированного обсидиана. Ни единой волны, ни ряби от ветра. Оно казалось бездонным.

— Смотрите, — Марина подобрала длинную сухую палку и с размаху ткнула ею в воду у самого берега.

Палка не встретила сопротивления. Она ушла вертикально вниз почти на метр в слой жидкой, черной, маслянистой грязи — ила вперемешку с гниющими водорослями и стволами утонувших деревьев (топляком), — прежде чем коснуться чего-то твердого. Палка вошла в эту жижу с против-

ным чавкающим звуком.

— Это двойное дно, — тихо сказала Марина, выдергивая палку. На её конце повисли черные нити тины. — Местные верят, что озеро принимает тех, кого нужно спрятать от чужих глаз или от закона. Год назад пропала бабка Клава. Скандальная была старуха. Отказалась продавать свой участок Виктору под склад древесины. Просто исчезла ночью. Искали её всем миром... здесь же и «нашли» её платок на воде. Тело так и не всплыло.

Она повернулась к Артёму. В её глазах не было страха — только горькая обреченность.

— Виктор тогда только начинал свою экспансию. Клава была первой. Егор Петрович был последним. Озеро... оно как черная дыра. Оно всё принимает и ничего не отдает обратно.

Артём смотрел на спокойную воду новым взглядом. Он больше не видел в ней природную красоту или ресурс для лесопилки Виктора. Он видел идеальное место для сокрытия улики. Вязкий ил работал как идеальный консервант и могила одновременно. Тело могло пролежать там десятилетиями и никогда не быть найденным.

— Почему вы мне это рассказываете? — спросил он, за-

тушив сигарету о подошву ботинка и пряча окурок в карман. Он не хотел оставлять здесь мусор.

Марина горько усмехнулась:

— Потому что я ненавижу это место. Я приехала сюда по распределению десять лет назад, наивная дурочка. Думала, буду сеять разумное, доброе, вечное. А вместо этого... я каждый день вижу этот страх в глазах детей. Они боятся Виктора. Они боятся будущего. Я застряла здесь, как в болоте. И если есть хоть малейший шанс, что вы сможете... встряхнуть это болото, я вам помогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.